ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1889.

(съ приложеніемъ двухъ таблицъ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1890.

Калмыцкія сказки.

II.

ᠬᠣᠭᠣᠷᠳᠤᠨᠳᠤ ᠪᠤᠶᠠᠨᠳᠤ ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠵ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠬᠣᠭᠣᠷᠤᠨᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠭᠳᠠᠪᠠ᠂

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ᠂

ᠬᠣᠭᠣᠷᠳᠤᠨᠳᠤ᠄᠄ ᠬᠣᠭᠣᠷᠳᠤᠨᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨᠠ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠬᠣᠭᠤᠷᠠᠨᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠭᠠᠴᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠬᠣᠭᠤᠷᠠᠨᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠭᠠᠴᠠᠳᠤ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨᠠ᠂ ᠬᠣᠭᠣᠷᠤᠨ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ᠂

ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ་ལ ། ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ་ལ ། ཁ་ལ་ཁ་ལ ། ཁ་ལ ། ཁ ། ཁ ། ཁ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ᠂ᠬᠣᠭᠣᠷᠴᠢᠨ᠂ᠬᠣᠭᠣᠷᠴᠢᠨ᠂ᠬᠣᠭᠣᠷᠴᠢᠨ

ᠬᠣᠯᠣᠨᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ᠂

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ᠂

ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ་ལ།། ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ་ལ།། ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ་ལ།། ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ་ལ།། ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ་ལ།
ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ་ལ།། ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ་ལ།། ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ་ལ།། ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ་ལ།། ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ་ལ
ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ་ལ།། ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ་ལ།། ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ་ལ།། ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ་ལ།། ཁ་ལ་ཁ་ལ་ཁ
ལ ཁ ལ ཁ ལ ཁ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠬᠣᠭᠣᠷᠴᠣᠨ ᠳᠤᠷᠠᠯᠴᠠᠬ

ᠬᠣᠭᠣᠷᠳᠤᠨᠳᠤ᠄᠄ᠪᠣᠯᠤᠨᠠ᠄᠄ᠪᠣᠯᠤᠨᠠ᠄᠄ᠪᠣᠯᠤᠨᠠ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠬᠣᠭᠣᠷᠤᠨᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠭᠳᠠᠪᠠ᠂

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨᠠ᠂

ᠬᠣᠭᠣᠷᠳᠤᠨᠳᠤ᠄᠄ ᠬᠣᠭᠣᠷᠳᠤᠨᠳᠤ ᠬᠣᠭᠣᠷᠳᠤᠨᠳᠤ᠄᠄

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠠᠯᠳᠠᠷᠳᠠᠭᠠᠨ ᠳᠤᠴᠢᠵᠤ ᠪᠤᠢ᠄᠄

ᠬᠦᠬᠡ ᠮᠣᠩᠭᠣᠯ ᠤᠨᠳᠤᠰᠤᠨ ᠳᠤᠴᠠᠭᠠᠨ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠭᠠ ᠵᠠᠮᠤᠨᠳᠠᠨ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠃

ᠳᠠᠷᠤᠭᠠᠨᠤᠨ ᠳᠤᠷᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠃

ᠬᠠᠨᠳᠠᠯᠠᠨ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠪᠣᠯᠪᠠᠰᠤᠷ

ཁ་ཤས་ཀྱིས་ཁ་ཕ་ཁ་ཕ་ཡ་ཡ་ཡ།།

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠪᠣᠯᠪᠠᠰᠤᠷᠠᠬᠤ ᠳᠤᠷᠠᠳᠴᠢᠨ ᠳᠤᠮᠳᠠᠴᠢᠨ ᠪᠣᠯᠪᠠᠰᠤᠷᠠᠬᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠪᠣᠯᠤᠭᠠᠳᠠᠭᠠᠨᠳᠠᠭᠠᠨ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠠᠷᠪᠠᠨ ᠳᠥ᠒ᠠᠨ ᠳᠤᠴᠢᠶᠠᠨ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠬᠣᠶᠠᠷ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠭᠤᠷᠪᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠳᠥᠷᠪᠡᠳᠦ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠲᠠᠪᠤᠨ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠵᠢᠷᠬᠤᠭᠠ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠪᠣᠯᠣᠨ ᠬᠣᠭᠣᠷᠴᠣᠭᠣᠯᠳᠣᠭᠳᠠᠭᠠᠨ

ᠬᠣᠭᠣᠷᠳᠤᠨᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠣᠯᠪᠠᠴᠠᠭᠠᠨ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠂᠂ ᠬᠣᠭᠣᠷᠳᠤᠨᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠣᠯᠪᠠᠴᠠᠭᠠ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤ ᠪᠤᠶᠠᠨ ᠳᠤ᠂

23*

Калмыцкія сказки.

II.

Сказка про принадлежавшаго къ кочевьямъ Тарачи-хана сиротку Бошъ, у котораго была свистунъ-стрѣла Тошъ.

Когда-то, въ старинное время жилъ въ кочевьяхъ Тарāчи-хана [1]) сиротка, называвшійся Бошъ, у котораго была свистунъ-стрѣла, называвшаяся Тошъ, да было озеро, величиною въ чашку. Развелъ онъ сахару въ своемъ озерѣ, величиною въ чашку, взобрался на верхушку стѣны своей юрты, посвисталъ въ большой палецъ и началъ сторожить. И вотъ собрались къ его озеру, величиною въ чашку, всѣ птицы вселенной. Увидалъ ихъ Бошъ-кюбю̄нъ, взялъ свою свистунъ-стрѣлу Тошъ и выстрѣлъ его тридцать птицъ задѣлъ по ляжкамъ, пятьдесятъ птицъ задѣлъ по икрамъ, шестьдесятъ птицъ задѣлъ по крыльямъ, семьдесятъ птицъ задѣлъ по лопаткамъ, сто птицъ задѣлъ по позвонкамъ, а какъ останавливался, такъ хватилъ журавля, да гуся. Всего стало триста двѣнадцать птицъ. Бошъ-кюбю̄нъ осѣдлалъ своего чернолысаго, двухгодовалаго бычка, навьючилъ на него всѣхъ этихъ птицъ, да и самъ усѣлся верхомъ. Ударилъ онъ своего чернолысаго, двухгодовалаго бычка по лопаткамъ,—заставилъ съежиться передомъ, ударилъ по ляжкамъ—заставилъ вилять задомъ [2]), ударилъ по самой середкѣ, —

---

1) Ханъ-земледѣлецъ.

2) Калмыцкое слово «хубчигалзахӯ» совершенно не имѣетъ соотвѣтствующаго ему на русскомъ. Оно обозначаетъ то инстинктивное дѣйствіе животнаго, когда оно, получивъ ударъ по задней части тѣла, подбираетъ свой корпусъ и въ тоже время начинаетъ вертѣть задомъ и вилять хвостомъ.

заставилъ его, подобравъ животъ, бѣжать такъ (быстро, что) удержать нельзя и направился къ ханской ставкѣ. Доѣхалъ, развьючился, перетащилъ своихъ птицъ къ хановичамъ. И правая и лѣвая стороны ханской юрты наполнились птичьимъ мясомъ. Какъ перетащилъ Бошъ-кюбюнъ своихъ птицъ, да сѣлъ, ханъ спрашиваетъ его: «Ты что за человѣкъ и что значитъ эта твоя масса птицъ?» — «Я», отвѣчаетъ мальчикъ, «простолюдинъ, сирота, изъ числа подданныхъ, проживающихъ въ кочевьяхъ вашего степенства. Зовутъ меня Бошъ. Есть у меня озеро, величиною въ чашку. Какъ собрались къ моему озеру, величиною въ чашку, птицы вселенной, взялъ я свою свистунъ-стрѣлу Тошъ, да какъ выстрѣлилъ, такъ и убилъ триста двѣнадцать птицъ; засимъ, представляя ихъ своему хану для свадебнаго пира, я прибылъ съ намѣреніемъ устроить сговоръ за ханскую, младшую, черненькую дочку». Разсердился ханъ на такія слова и говоритъ: «у негодяя, который осмѣлился повести сговоръ за мою дочку, отнимите одну руку, одинъ глазъ и одну ногу, отнесите его въ необитаемую, голую степь и бросьте!» По ханскому приказу, прислужники отняли у мальчика три члена, отнесли его въ необитаемую степь и бросили. Лежитъ Бошъ-кюбюнъ, мечется, кричитъ, разумъ его помутился, — приближается къ смерти. И вотъ, во снѣ, приходитъ къ нему совершенно сѣдой старикъ, съ бѣлою бородою, держа въ рукахъ бѣлый, серебряный костыль и говоритъ: «открой свой ротъ, кюбюнъ!» — Кюбюнъ открылъ ротъ. Старикъ плюнулъ ему въ ротъ, ударилъ его два, три раза своимъ бѣлымъ, серебрянымъ костылемъ по груди и сказалъ: «Ну, кюбюнъ, твои нога, рука и глазъ здоровы! Человѣку, который (тебѣ) не понравится, скажи — «приклейся!» — а человѣку, который понравится, скажи — «поднимись!» Сказалъ (онъ это) и ушелъ. Лишь только увидалъ (это кюбюнъ) во снѣ, тотчасъ проснулся, а рука, нога и глазъ его уже выросли. Обрадовался кюбюнъ и побѣжалъ по направленію къ своему дому. Бѣжитъ и видитъ, что впереди его дочь ханскаго пастуха пасетъ телятъ. — «А что?» думаетъ, «вѣдь давишній старикъ, котораго я видѣлъ во снѣ, говорилъ: тому, кто непонравится, скажи — приклейся, а тому кто понравится, скажи — поднимись; посмотрю-ка я, правда это, или ложь!» — Подумалъ и сказалъ: «Дочь пастуха со своими телятами приклейтесь къ землѣ!» — Тотчасъ дѣвочка нижнею своей частью, со своими телятами пристала къ землѣ и лежитъ, кричитъ, визжитъ. Кюбюнъ, заключивъ отсюда, что сказанное старикомъ дѣйствительно справедливо, сказалъ: «поднимись!» И дѣвочка съ своими телятами вскочила и побѣжала. Тогда кюбюнъ повѣрилъ совсѣмъ, и, воротившись домой, сталъ поживать.

Проживая такимъ образомъ, какъ-то, въ одну ночь задумалъ онъ

отмстить хану и, около полуночи, послѣ того какъ ханъ уже опочилъ, подошелъ противъ боковой части его юрты [1]) и сказалъ: «ханъ и ханша, съ кроватью и съ подушками своими, приклейтесь къ землѣ!»—Сказалъ и ушелъ назадъ. На другой день, по утру, между подданными прошумѣла вѣсть, что ханъ и ханша ночью приклеились къ своей кровати и не могутъ встать. Чиновники, сановники и старшины кочевьевъ и испугались, и изстрадались въ одинаковой степени. Искали они средствъ и способовъ, отправляли молебствія и служенія, но пользы не было. Собрали лекарей, — показали; лекаря и знахари лечили, колдовали, но было безполезно. Искали и простыхъ, какихъ нибудь способовъ, — не помогло. Собрались тогда правительственные чиновники и старики и стали разговаривать: «при какомъ же теперь средствѣ будетъ хорошо?»—Въ ту пору приходитъ человѣкъ, проживавшій на краю кочевьевъ и говоритъ: «Слышно было, что здѣсь, въ кочевьяхъ Могойту хана [2]), проживаетъ хорошій шаманъ. Мѣсто—дальнее, а враговъ, живущихъ по дорогѣ, много». — Чиновники начали совѣтоваться: «какого-же теперь человѣка послать туда, какая лошадь пойдетъ туда, послать-ли большимъ числомъ, послать-ли малымъ числомъ?»—Вдругъ Бошъ-кюбюнъ говоритъ: «Я пойду, меня пошлите! Отправившись ради своего хана, я хоть и умру, такъ, право, нужды нѣтъ!»—Чиновники и сановники согласились, «ступай!» говорятъ. Тогда Бошъ-кюбюнъ сѣлъ на своего чернолысаго двухгодовалаго бычка, ударилъ его по лопаткамъ, заставилъ съежиться передомъ, ударилъ его по ляжкамъ, заставилъ вилять задомъ, ударилъ по самой середкѣ, — заставилъ, подобравъ животъ, бѣжать (такъ быстро, что) удержать нельзя. Ѣхалъ онъ, не полдничая днемъ и не ночуя ночью и пріѣхалъ въ царство Могойту хана. Нашелъ шамана, отправился къ нему, разказалъ о томъ, что приключилось хану и говоритъ: «я пріѣхалъ пригласить васъ!» Шаманъ надѣлъ свою бѣлую шапку, одѣлся въ свой бѣлый кафтанъ, сѣлъ на свою бѣлую лошадь и выѣхалъ. Опять ѣдутъ они, не полдничая днемъ и не ночуя ночью, подъѣзжаютъ къ хану, и какъ завидѣлся ёрко (дымникъ) ханской юрты, шаманъ обогналъ и поѣхалъ передомъ. «Ну, теперь узналъ!... Не далеко!... Въ его поселкѣ!.. Прямехонько схвачу!.. Прямехонько укажу!.. Мнѣ ни бояться нечего, ни скрывать нечего!»—Такъ говоря, ѣдетъ онъ, изрыгая пѣну по угламъ своего рта, шумитъ, бормочетъ. Бошъ-кюбюнъ думаетъ: «А дѣйствительно, этотъ ша-

---

1) Калмыцкое «иргэ» употребляется въ просторѣчіи въ значеніи боковыхъ и задней частей юрты, собственно въ нижней половинѣ стѣнъ, гдѣ обычно и находится кровать домохозяина.

2) Змѣинаго царя.

манъ меня непремѣнно выдастъ; что же мнѣ сдѣлать теперь для этого?!» И говоритъ шаману: «Вы, вѣдь, чужой человѣкъ! Чѣмъ, пріѣхавши въ ставку, выходить подъ предлогомъ посмотрѣть дорогу, не лучше ли вамъ остановиться въ этомъ пустомъ мѣстѣ, посмотрѣть дорогу, да и ѣхать?!»— «Ладно!» говоритъ шаманъ, слѣзъ съ лошади и какъ сѣлъ онъ смотрѣть дорогу, (Бошъ-кюбюнъ сказалъ:) «Sphincter шамана приклейся къ землѣ!» И тотчасъ шаманъ, слипшись съ находившеюся подъ нимъ землею, закричалъ кюбюну: «Слѣзай сюда, тащи, я къ землѣ присталъ!» Слѣзъ кюбюнъ съ лошади, началъ тянуть, а онъ не отрывается. Бросилъ кюбюнъ шамана внизу, взялъ за поводья шаманову лошадь, пріѣхалъ назадъ въ ханскую ставку и разказалъ чиновникамъ, что шаманъ по дорогѣ приклеился къ землѣ. Пошли чиновники къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ шаманъ и спрашиваютъ: «какое теперь средство для хана?»— А шаманъ отвѣчаетъ: «не только узнавать средство для вашего хана, — думаю какъ помочь себѣ самому!»—Воротились чиновники и доложили хану о томъ, что шаманъ приклеился къ землѣ. Когда снова собрались они разсуждать, какое теперь средство, ханъ сказалъ: «во что бы то ни стало, разыщите средство!» Тогда чиновники, сановники и старшины кочевьевъ, посовѣтовавшись, рѣшили и крикнули кличъ: «Человѣку, который исцѣлитъ хана и ханшу, если исцѣлитъ молодецъ, выдать за него ханскую, младшую, черненькую дочку и отдать ему въ управленіе половину подданныхъ; а если исцѣлитъ дѣвушка, такъ сдѣлать ее супругою хана».—Но хоть и рѣшили такъ, а человѣка, который бы могъ вылечить, не находилось. Тогда приходитъ къ чиновникамъ Бошъ-кюбюнъ и говоритъ: «Право, незнаю, — приглашалъ ли я шамановъ и шамановъ, не знаю, — доля ли моя, а въ меня входитъ вѣщая сила, которая можетъ исцѣлить!»—«Такъ или нѣтъ, — лѣчи!»—отвѣчали чиновники. Тогда Бошъ-кюбюнъ, въ (первые) трое сутокъ, то какъ будто почитаетъ священную книгу, то какъ будто подуетъ, даетъ разнаго рода кушанья, — а на четвертые сутки сказалъ половину слова: «поднимись!» Какъ сказалъ, такъ одна приклеившаяся половина хана и ханши отстала, а другая половина не отстаетъ. Бошъ-кюбюнъ опять какъ будто подуетъ, какъ будто говоритъ заклинанія,—а ничего не можетъ. Спрашиваютъ чиновники у кюбюна: «Эта половина отстала, отчего же не отстаетъ другая половина; что этому помѣхой?»—«Не знаю», отвѣчаетъ Бошъ-кюбюнъ, «задерживается ли она по судьбѣ ли многочисленныхъ существъ (т. е. подданныхъ хана), или потому что не выданы еще означенные подарки? Я (самъ) думаю, отчего это?»—Чиновники, сообразивъ, что это, можетъ быть, и дѣйствительно такъ, доложили объ этихъ словахъ хану и ханшѣ. Ханъ и ханша сказали: «Въ такомъ случаѣ поскорѣе выдайте его подарки и освободите насъ отъ му-

ченья!» Чиновники выдали за Бошъ-кюбюна ханскую дочку и выдѣлили ему половину данниковъ. Тогда Бошъ-кюбюнъ, взявши ханскую дочку, пришелъ на другой день и поднялъ хана и ханшу. Ханъ, ханша, всѣ подданные, чиновники и сановники, всѣ чрезвычайно обрадовались и, устроивши веселый пиръ, заликовали. Бошъ-кюбюнъ также, взявши ханскую дочку и начавъ управлять половиною подданныхъ, зажилъ, веселясь по своей волѣ.

III.

Сказка про Харца̀-мэргэ̀на, сына Бакъ-саха̀лъ Байда̀й-мэргэ̀нъ хана.

Когда то, въ старинное время, жилъ былъ ханъ, по имени Бакъ-саха̀лъ Байда̀й-мэргэ̀нъ, съ сыномъ, по имени Харца̀-мэргэ̀нъ, съ женою, по имени Гэрэ̀ль и съ снохою, по имени Кӧймэ̀-цагаанъ. Имѣлъ онъ табунъ лошадей, достигавшій до 100,000 головъ, который обыкновенно уходилъ на пастбища къ подножію луны [1]); имѣлъ онъ табунъ лошадей, въ 80,000 головъ, который обыкновенно уходилъ на пастбища къ подножію солнца; имѣлъ онъ табунъ булано-лысыхъ лошадей, въ 20,000 головъ, который обыкновенно находился у него при домѣ; имѣлъ онъ водопоемъ озеро Аршаанъ-цагаанъ-нӯръ, къ которому вело двѣнадцать дорожекъ [2]); пастбища его располагались по склону горы Болзӧтуйнъ борӧ ӯла. Величественно-бѣлый хурӯлъ его возвышался на южной сторонѣ его (жилища); располагавшіеся овломъ, многочисленные прислужники его окружали его (жилище) на сѣверной сторонѣ; многочисленной черни, подданныхъ его, было болѣе трехъ милліоновъ человѣкъ; а въ самой срединѣ ихъ, соприкасаясь съ небесными, перистыми, бѣлыми облаками, возвышался хрустальный дворецъ Бакъ-саха̀лъ Байда̀й-мэргэ̀нъ хана. Проживая такимъ образомъ, какъ то, въ одно время Бакъ-саха̀лъ Байда̀й-мэргэ̀нъ сѣлъ на своего быстраго, темнобураго жеребца Хусъ-хулдагійнъ и, таща свой березовый укрюкъ, отправился пасти своихъ лошадей. Около полудня быстрый, темнобурый жеребецъ его прискакалъ, сронивъ на правую сторону свой кольцевидный серебряный чумбуръ и началъ лягать ногами и разбивать съ правой сто-

---

1) Сара̀йнъ ко̀ль-дӯ, т. е. въ ту сторону, гдѣ всходила луна.

2) Обыкновенно мѣстомъ водопоя бываютъ худуки, т. е. выкопанные на степи колодцы, къ которымъ животныя и протаптываютъ одну дорожку, постоянно слѣдуя къ водопою съ одной стороны, въ которой располагаются ихъ пастбище. Здѣсь, для показанія богатства хана, оказывается мѣстомъ водопоя цѣлое озеро, къ которому животныя приходили по 12-ти различнымъ дорожкамъ (ороло̀нъ).

роны соединеніе стѣнокъ [1]) у юрты сына его Харца̀-мэргэ̀на. Госпожа Гэ-рэ̀ль, матушка его, прибѣжала и стала будить своего сына Харца̀-мэргэ̀на: «Харца̀-мэргэ̀нъ, вставай! Отцу твоему, кажется, что то приключилось: лошадь, на которой онъ выѣхалъ по утру, прискакала, сронивъ свой кольцевидный чумбуръ и лягаетъ ногами, разбивая съ правой стороны соединеніе стѣнокъ у твоей юрты!» — Сынъ всталъ, умылся, прочиталъ свой священный, бѣлый нòмъ [2]), съѣлъ десять корытъ мяса, выпилъ двадцать корытъ бульону, осѣдлалъ свою рыжую лошадь, съ вытянутой шеей, пристягнулъ оружіе — свое украшеніе, взялъ свое красное копье, со стержнемъ въ тридцать три сажени, сѣлъ верхомъ на свою рыжую лошадь, съ вытянутой шеей, въѣхалъ на вершину горы Болзо̄туйнъ-боро̀ и какъ огляді̀лъ всѣ десять сторонъ своими ярко-черными [3]) глазами, величиною въ чашку, то и увидѣлъ, что на горбатой рыжей лошади, нѣкто Бо̄гэ-байнъ, изъ другаго царства, богатырь-ханъ, у котораго не было въ тѣлѣ души [4]), гонитъ по направленію къ своимъ кочевьямъ двадцатитысячный булано-лысый табунъ лошадей его, счетомъ сосчитавши ихъ и по пыли собирая ихъ [5]). Харца̀-мэргэ̀нъ передернулъ удила своей рыжей лошади, съ вытянутой шеей, вплоть до ушей ея, простегнулъ ногайкой вплоть до кости ея и погналъ за нимъ. Какъ догналъ въ нейтральномъ промежуткѣ двухъ владѣній, на половинѣ его разстоянія, ѣхавшій на горбатой рыжей лошади Бо̄гэ-байнъ говоритъ: «Харца̀-мэргэ̀нъ, не то что тебя,.. не убилъ-ли я и отца твоего, который стоитъ тебя?! Тебя же я оставилъ, говоря, пусть будетъ что-нибудь на задней сторонѣ моихъ кочевьевъ! Гонясь за пятьнадцатью жеребятами, къ чему теряешь ты свою жизнь?! Возвращайся подальше!»—«Мужественнѣ ты, а неотесанный дуракъ; добръ (могучъ), — а безразсуденъ; подлинно, — шельма!» — отвѣчаетъ Харца̀-мэргэ̀нъ. «Небо, которое дало тебѣ, развѣ мнѣ не дастъ?!» Съ этими словами, онъ, взявъ на перевѣсъ книзу свое красное копье, со стержнемъ въ тридцать три сажени, бросился и поддѣлъ Бо̄гэ-байна,

1) Бакàсъ — собственно то мѣсто, гдѣ двѣ отдѣльныхъ рѣшетки (тэрмэ̀), составляющихъ стѣны у юрты, скрѣпляются между собою волосяными лентами (бсоръ-бючѝ).

2) Нòмъ — молитвенникъ, или какая нибудь другая книга религіознаго содержанія, которую буддисты калмыки читаютъ по утру и въ другое время, предаваясь богомыслію.

3) Алàкъ-хара̀ ниду̀нъ.—Собственно слово «ярко-черный» не передаетъ точно смысла словъ «алàкъ-хара̀». «Алàкъ» дословно обозначаетъ «пестрый» и, по отношенію къ глазамъ, обозначаетъ такія глаза, въ которыхъ черный зрачекъ ярко отдѣляется отъ бѣлка.

4) «Амѝнъ бэ̀дуни угà». Это особаго рода сказочные богатыри калмыковъ, которые могутъ переселить свою душу въ какую либо птицу, животное, или насѣкомое и такимъ образомъ спрятать свою жизнь отъ враговъ. Убить такихъ богатырей нѣтъ возможности.

5) «Тòсàр ни хамàтъ», — по пыли собирая ихъ. — Масса лошадей была такъ велика, что видѣть ихъ всѣхъ было нельзя и слѣдить за ихъ движеніемъ можно было только по поднимаемой ими пыли. Пыль удалявшаяся въ тотъ, или другой бокъ, показывала, что лошади отбивались отъ общаго гурта и уклонялись въ сторону.

ѣхавшаго на горбатой рыжей лошади, на оконечность копья и съ нимъ самимъ, и съ лошадью. Когда красное копье, со стержнемъ въ тридцать три сажени, согнулось и накренилось, (Харца̀-мэргэ̀нъ) встряхнулъ его, взялъ покороче, приблизилъ къ себѣ, вытащилъ свой булатный мечъ, который былъ закаленъ съ знаніемъ времени, утопченъ какъ бумажный листъ и назывался гиліб̄ъ-дала̀бъ, да и перерубилъ имъ на двѣ части Бо̄гэ-байна, ѣхавшаго на горбатой рыжей лошади, и его самого, и его лошадь. Тогда верхняя (отрубленная) часть его говоритъ: «коли отмстить тебѣ, такъ отмщу; а коли оставить, такъ оставлю!» и, съ этими словами, превратившись въ сѣраго зайца, убѣжала; а нижняя (отрубленная) часть ушла въ землю. Харца̀-мэргэ̀нъ собралъ и пригналъ свой табунъ, напоилъ его въ своемъ озерѣ Аршанъ-цага̄нъ-нӯръ, къ которому вело двѣнадцать дорожекъ и пустилъ на пастбище къ склону горы Болзо̄туйнъ-боро̀. Затѣмъ отправился онъ искать трупъ своего отца и нашелъ, что лежитъ его отецъ убитымъ, съ простреленной аортой, у рѣки, называвшейся Ӯ (широкой). Помазалъ онъ его премудрымъ бѣлымъ лекарствомъ, которое не допускало (продолжаться болѣзни) до полудня; помазалъ святымъ бѣлымъ лекарствомъ, которое не допускало (продолжаться болѣзни) до вечера; низводилъ въ теченіе семи сутокъ цѣлебный дождь; но отецъ не исцѣлѣлъ. Тогда, рѣшивъ, что это смерть по назначенію судьбы, Харца̀-мэргэ̀нъ похоронилъ его.

Потомъ, послѣ того, проживая такимъ образомъ, въ одно утро госпожа Гэрэ̀ль, матушка его, прибѣгаетъ и говоритъ: «Харца̀-мэргэ̀нъ, встань, проснись! Не погибъ ли твой отецъ, кружившійся какъ ястребъ? Не на краю-ли твои кочевья и не одинъ-ли ты одинешенекъ? Мнѣ приснился безпокойный, дурной сонъ!» — Харца̀-мэргэ̀нъ всталъ, умылся, прочиталъ свой священный бѣлый но̀мъ, съѣлъ десять корытъ мяса, выпилъ двадцать корытъ бульону, привелъ и осѣдлалъ свою рыжую лошадь, съ вытянутой шеей, одѣлъ свое боевое платье, пристягнулъ оружіе — свое украшеніе, взялъ свое красное копье, съ стержнемъ въ тридцать три сажени, сѣлъ верхомъ на свою рыжую лошадь, съ вытянутой шеей и только что собирался въѣхать на гору Болзо̄туйнъ-боро̀, а къ подножію горы пришелъ и стоитъ со знаменнымъ десятитысячнымъ войскомъ Тю̄кэ, красный богатырь, котораго не были въ состояніи столкнуть и повалить десять тысячъ человѣкъ. Говоритъ Тю̄кэ красный богатырь: «Харца̀-мэргэ̀нъ, пожалуй, ты будешь печаловаться, что не пришелъ въ сопровожденіи своей доброй дружины, — ступай, приводи свою добрую дружину; пожалуй, ты будешь печаловаться, что не сѣлъ на добраго коня, — ступай, выѣзжай на добромъ конѣ; пожалуй, ты будешь печаловаться, что не при-

стягнулъ добраго оружія,—ступай, пристягни доброе оружіе! Пока солнце на ногахъ [1]), позабавимся!» — «Развѣ посмѣлъ-бы ты придти и приставать ко мнѣ,» отвѣчаетъ Харцà-мэргэ̀нъ, «если-бы зналъ, что у меня есть добрая дружина?! Развѣ посмѣлъ бы ты придти и приставать ко мнѣ, если бы зналъ, что у меня есть добрый конь?! Развѣ ты осмѣлился бы придти и приставать ко мнѣ, если бы зналъ, что у меня есть доброе оружіе, которое я могу воротиться, да пристягнуть?! Мужественепенъ ты, а неотесанный дуракъ; добръ (могучъ) ты, а безразсуденъ; подлинно—шельма!» Съ этими словами онъ взялъ на перевѣсъ книзу свое красное копье, со стержнемъ въ тридцать три сажени, бросился съ шумомъ, да какъ проѣхалъ три раза туда и сюда (по строю), такъ и покончилъ знаменныхъ десять тысячъ солдатъ его; когда же ткнулъ самого Тю̄кэ, краснаго богатыря, такъ красное копье его, со стержнемъ въ тридцать три сажени, раздробилось въ три вязанки дровъ. Тогда Тю̄кэ, красный богатырь, стащилъ Харцà-мэргэ̀на по правой сторонѣ его лошади; оба они начали бороться. Харцà-мэргэ̀нъ побѣдилъ, убилъ Тю̄кэ, краснаго богатыря; десять тысячъ мериновъ его присоединилъ къ своимъ табунамъ, а сѣдла, узды и сбруи ихъ свалилъ въ кучу, составивъ сѣрую груду и, воротившись назадъ, сталъ жить.

Потомъ, послѣ того, проживая такимъ образомъ, въ одно утро говоритъ госпожа Гэрэ̀ль, матушка его: «Харцà-мэргэ̀нъ, вставай! Не погибъ ли твой отецъ, кружившійся какъ ястребъ? Не на краю ли твои кочевья,— и не одинъ ли ты одинешенекъ?! Мнѣ приснился безпокойный, дурной сонъ!»—Харцà-мэргэ̀нъ всталъ, умылся, прочиталъ свой священный, бѣлый нòмъ, съѣлъ десять корытъ мяса, выпилъ двадцать корытъ бульону, привелъ и осѣдлалъ свою рыжую лошадь, съ вытянутой шеей, одѣлъ свое боевое платье, пристягнулъ свое оружіе, взялъ свое красное копье, со стержнемъ въ тридцать три сажени, сѣлъ верхомъ и только что хотѣлъ въѣхать на гору Болзòтуйнъ-борò, а къ склону горы пришли нойòнъ [2]) называвшійся Хатýнъ-харакчѝнъ, — семеро братьевъ. Говоритъ тотъ нойòнъ: «Харцà-мэргэ̀нъ, пожалуй, ты будешь печаловаться, что съ тобой нѣтъ доброй дружины, — ступай, приводи свою добрую дружину; пожалуй, ты будешь печаловаться, что съ тобою нѣтъ добраго оружія, — пристягни свое доброе оружіе; пожалуй, ты будешь печаловаться, что съ тобою нѣтъ доброй лошади,—ступай, выѣзжай на своей доброй лошади!» — «Развѣ ты осмѣлился бы придти и приставать ко мнѣ», отвѣчалъ Харцà-мэргэ̀нъ, если

---

1) Въ періодъ времени отъ восхожденія до заката солнце, по представленію калмыковъ,—на ногахъ; ночью же оно спитъ.

2) Нойòнъ = князь, владѣтель.

бы зналъ, что у меня есть добрая дружина? Развѣ ты посмѣлъ бы придти и приставать ко мнѣ, если бы зналъ, что у меня есть доброе оружіе, которое я могу пристягнуть? Развѣ посмѣлъ бы ты придти и приставать ко мнѣ, если бы зналъ, что у меня есть добрый конь, на котораго я могу сѣсть?!» Съ этими словами онъ схватилъ свое красное копье, со стержнемъ въ тридцать три сажени, да какъ набросился и продвоилъ (=проѣхалъ два раза) туда и сюда (по строю), такъ и побилъ, поддѣвши на копье шестерыхъ старшихъ братьевъ, стоявшихъ по обоимъ сторонамъ; а какъ ткнулъ Хатýнъ-харакчі'я, который стоялъ въ самой срединѣ ихъ, такъ и переломилось его красное копье, со стержнемъ въ тридцать три сажени. Вдвоемъ устроили они тамъ бой и начали стегать другъ друга нагайками, называвшимися «мангýсъ»: внутренняя основа тѣхъ нагаекъ была сдѣлана изъ кожи трехлѣтняго верблюда, а наружная обертка была изъ кожи четырехлѣтняго верблюда; узлы на оконечностяхъ были стянуты лоснящеюся какъ ледъ сталью; связь, которою соединялось кнутовище нагайки съ древкомъ ея, была сдѣлана изъ серебряной стали; тресировка (тѣхъ нагаекъ) была змѣевидно серебрянная, а стяжки у нихъ были изъ лоснящейся какъ ледъ стали; рукоятки ихъ были сдѣланы изъ дерева агàръ-зàндагъ; на три пальца были они посеребрены, да на четыре пальца позолочены. (Какъ стали они стегать другъ друга такими нагайками,) такъ и добили ихъ до соединенія съ древкомъ [1]). Вытащили они свои семисаженные мечи, которые были опоясаны у нихъ въ срединѣ, (подъ платьемъ); ударили ими по семи, по восьми разъ по своимъ лбамъ, которые были въ родѣ наковальни и сбили (эти мечи) до обуха. Вытащили они свои десятисаженные обоюдоострые мечи, которые хранили они противъ сердца, и привѣшивали противъ грудобрюшной преграды; прошлись ими по три раза по своимъ аортамъ, — заклокотала черная кровь аортъ, разлетѣлась мелкими брызгами по гривамъ ихъ богатырскихъ коней. Остервенились оба упрямые богатыря; схватили другъ друга за крѣпкіе, шелковые пояса и начали тащить одинъ другаго внизъ (съ сѣдла): тащили до того, что растянулись ихъ серебрянныя стремена, разогнулись стремянныя ушки для привязыванія, расползлась нижняя выгнутая часть сѣдла. Восемь ногъ богатырскихъ коней переплелись между собою и оба коня ползали на своей груди, подпирались своими колѣнами, поддерживались своими подбородками. Когда на этомъ не покончили, говорятъ (богатыри): «Не покончили мы на оружіи, сдѣланномъ мастерами, теперь повѣдаемся плечами да лопатками, дарованными матерями!» — Съ этими словами соскочили они съ сѣделъ, привязали

1) Т. е. обили все кнутовище.

за сѣдельныя луки своихъ богатырскихъ коней, и какъ раздѣвались подъ тонкими, прекрасными шеями своихъ кулюковъ.[1]) Харца̀-мэргэ̀нъ украдкою сталъ высматривать и узналъ, что (противникъ его) отваженъ до того, что можетъ проѣхать сотню царствъ, вынесшивъ до того, что можетъ разорить шесть царствъ, (усмотрѣлъ) что верхнія оконечности реберъ его не имѣютъ связей съ позвоночнымъ хребтомъ; что въ мышечной ткани его нѣтъ отдѣленій, что сто ястребино-бѣлыхъ суставовъ его не имѣютъ связокъ. Потомъ засучили они до ляжекъ свои шальвары, сдѣланныя изъ изюбревой кожи; завернули до подколѣннаго сгиба свои шальвары, сдѣланныя изъ кожи дикой лошади; подпоясались своими крѣпкими, шелковыми поясами; смотрятъ другъ на друга изподлобья какъ быки, рычатъ другъ на друга какъ самцы верблюдовъ, встряхнулись какъ изюбри, бросились другъ на друга съ разстоянія дневнаго пути, схватили другъ друга черезъ плеча за пояса съ разстоянія полуденнаго пути.—Ташъ! башъ!—схватились, начали бороться. Сжимали они другъ друга, пока начали ныть отъ усталости ихъ крѣпкія, бѣлыя шеи; сжимали другъ друга, пока не раздробились ихъ широкія, бѣлыя груди; сжимали одинъ другаго, пока не переломались ихъ крѣпкія, бѣлыя ребра; потрескалась у нихъ богатырская, бѣлая кожа; пролилась ихъ богатая, красная кровь; разбросали они тамъ и сямъ куски своего мяса, величиною въ чашку; бились другъ съ другомъ, не вѣдая дня и ночи; боролись, пока водянистыя мѣста сдѣлались безводными; боролись, пока бугристыя мѣста превратились въ котловины, а котловинныя мѣста превратились въ бугристыя. Не порѣшивши, оба сказали: «отдохнемъ!» Развели огонь изъ полѣньевъ дерева за̀къ, сварили свой красный чай—за̀нданъ, и, когда легли по обѣ стороны огня распаривать свои спины, говоритъ Хату̀нъ-харакчѝнъ: «Харца̀-мэргэ̀нъ, положимъ мы съ тобою дуло ружья [2]), поклонимся бурха̀ну, возмемъ другъ съ друга клятву жизни и побратаемся! Если станемъ мы съ тобою братьями, такъ не будетъ въ этихъ мѣстахъ врага, который бы посмѣлъ къ намъ приблизиться.» Какъ сказалъ онъ, Харца̀-мэргэ̀нъ говоритъ: «Истинно,—мужественный ты человѣкъ, а неотесаный дуракъ, добръ (могучъ), а смысла не имѣешь! Какъ же это стану тебѣ старшимъ братомъ я, который убилъ шестерыхъ твоихъ старшихъ братьевъ и какъ можешь сдѣлаться моимъ младшимъ братомъ ты, который допустилъ убить своихъ шестерыхъ братьевъ?!» Съ этими словами онъ

---

1) Кулюкъ = богатырскій конь.

2) Лизать оружіе — обычный обрядъ всѣхъ монгольскихъ поколѣній при клятвахъ. Въ русско-калмыцкихъ шертныхъ записяхъ мы постоянно встрѣчаемъ, что калмыцкіе ханы подтверждали свои клятвы выраженіемъ: «ножикъ свой лижу и къ горлу прикладываю».

всталъ, говоря: «поднимайся, иди сюда; пока солнце на ногахъ, позабавимся!» Всталъ и Хатӯнъ-харакчӣнъ, подошелъ и, какъ заходили они крӯгомъ, Харцà-мэргэ̀нъ началъ высматривать; а высмотрѣвши, говоритъ себѣ: «право, коли взять тебя подъ нижнее ребро, да подцѣпить подъ ножку въ нижней части голенной кости, такъ ты—человѣкъ неважный!» Какъ начали они оба бороться, хватилъ онъ Хатӯнъ-харакчія подъ нижнее ребро, зацѣпилъ его подъ ножку въ нижней части голенной кости и встряхнулъ на свое могучее, прекрасное бедро, къ которому не прикасался человѣкъ; ударилъ онъ, приклонивъ къ бѣлому песку его крутой, бѣлый лобъ, который не приклонялся съ матернаго рожденія; положилъ онъ свой могучій, наказующій локоть на ровный спинной хребетъ его; хватилъ горстью (снизу изъ подъ груди) вонзивъ ему въ аорту пять, подобныхъ пчеламъ, желтыхъ когтей и заставилъ высовываться черезъ ротъ его легкое и сердце. — Черная кровь его изъ аорты клокотала на пространствѣ полдневнаго пути. «Я вытащилъ изъ ноженъ свой золотой мечъ [1]) и направилъ его въ верхній позвонокъ твоего становаго хребта! Если ты ловкій молодецъ,—вставай, а если не имѣешь средствъ, то я убью тебя на этомъ мѣстѣ!» сказалъ Харцà-мэргэ̀нъ. — «Держи крѣпче, придавливай сильнѣе», — отвѣчалъ Хатӯнъ-харакчӣнъ, «у меня есть еще сила, при которой я могу нѣсколько припрыгнуть»!—Приподнялся онъ разъ,—не могъ; приподнялся два,—не могъ; приподнялся три,—не могъ; крикнулъ онъ такъ, что лопнулъ желчный пузырь у лежавшаго въ скалахъ трехгодовалаго медвѣдя,—не могъ; припрыгнулъ какъ рыба китъ,—не могъ. Тогда (Харцà-мэргэ̀нъ), обнаживъ свой золотой мечъ, раздробилъ имъ верхній позвонокъ его становаго хребта, ударилъ вдоль тринадцати его суставовъ и убилъ его. Потомъ онъ присоединилъ его мериновъ къ своимъ табунамъ, а сѣдла, узды и сбрую свалилъ въ кучу; пришелъ назадъ и говоритъ своимъ подданнымъ: «тамъ-то есть такія-то вещи». Отправились тѣ люди и забрали.

Потомъ, черезъ нѣсколько времени послѣ этого, въ одинъ день сѣлъ (Харцà мэргэ̀нъ) на свою рыжую лошадь, съ вытянутой шеей, пристягнулъ оружіе — свое украшеніе, въѣхалъ на гору Болзӧтӯйнъ бордò, сталъ смотрѣть дозоромъ и такъ думаетъ: «коли откусилъ (уничтожилъ) кончикъ ядовитаго, нужно догнать до конца его; поѣду-ка я въ лежащія на сѣверъ кочевья Бӧгэ-баяна, ѣздившаго на горбатой, рыжей лошади! — И отправился.

---

1) Алтàта—золотой мечь, въ то же время понимается калмыками какъ «мечь жизни». Такіе мечи, якобы, носили при себѣ калмыцкіе богатыри, чтобы убивать или себя, или себѣ подобныхъ, въ виду того, что обыкновенное, стальное оружіе не всегда могло умертвить богатыря.

Ѣхалъ онъ, не считая день за день и ночь за ночь и, какъ подъѣхалъ къ границамъ кочевьевъ Бōгэ баѧна, говоритъ ему лошадь: «Передъ тобою, въ тѣни, бросаемой юртой, будетъ лежать, сося грудь своей матери, пятимѣсячный сынъ Бōгэ баѧна; коли онъ встанетъ, ты не будешь въ состоянiи убить его, убей пока не всталъ!» Поѣхалъ Харца̀-мэрэ̀нъ съ этого мѣста и какъ подъѣзжалъ, мальчикъ, заслышавъ шумъ его, говоритъ: «стучатъ копыта богатырскаго коня, брянчитъ оружiе сильнаго врага,—дай батюшкинъ стальной, черный мечь!»—и хотѣлъ подняться. А мать его отвѣчаетъ: «въ этихъ мѣстахъ нѣтъ врага, который бы могъ убить твоего отца,—соси, наѣдайся!»—и не дала ему встать. Подъѣхалъ тогда Харца̀-мэргэ̀нъ, ткнулъ сверху копьемъ мальчика, вытащилъ свой гiнта-булатный мечъ, который былъ закаленъ съ знанiемъ времени, утонченъ какъ бумажный листъ и назывался «гилйбъ далаѧ̀бъ», и убилъ мальчика, перерубивши его на двѣ части — верхнюю и нижнюю. Вскочила тогда мать его, забросила назадъ двѣ своихъ косы, заткнула за поясъ свои полы, засучила рукава: «Ты», говоритъ, «убилъ моего мужа, который лежалъ у моей груди и убиваешь сына, который вышелъ у меня изъ подъ сердца, — это что же такое?!» Съ этими словами стащила она Харца̀-мэргэ̀на по правой сторонѣ его лошади, съ вытянутой шеей, и начали они вдвоемъ бороться. Семь дней и семь ночей не могли они взять одинъ другаго и еще Харца̀ мэргэ̀нъ началъ ослабѣвать. Тогда говоритъ ему рыжая лошадь, съ вытянутой шеей:» ты, питающiйся мясомъ, еще не разгорячился, а я, питающаяся травою, разгорячилась! Не думала я, что ты такъ долго будешь бороться съ женщиной!» Сказала и вслѣдъ за симъ прержала съ одного запѣва семьдесятъ одинъ разъ.—«Э̀, что же я дѣлаю?!»—говоритъ Харца̀ мэргэ̀нъ; схватилъ крѣпко, кольнулъ ее до того, что пронзилъ насквозь, да какъ швырнулъ, такъ бросилъ такъ, что растянулось ея туловище, выскочили изъ своихъ суставовъ пять ея пальцевъ, и на томъ мѣстѣ и жизнь ея кончилась. Тогда Харца̀-мэргэ̀нъ сѣлъ на лошадь и, распорядившись ударить въ барабанъ и сдѣлать тревогу, приказалъ подданнымъ Бōгэ-баѧна перекочевывать, говоря: «по тому мѣсту, гдѣ начерчу я длинную линiю, — кочуйте, а гдѣ начерчу кругъ тамъ останавливайтесь; гдѣ будутъ харца̀-мэргэ̀новскiя (стойбища, тамъ) позади меня и остановитесь на жительство». Такъ заставивши кочевать, поѣхалъ онъ оттуда дальше и когда подъѣзжалъ къ границамъ кочевьевъ Тю̄кэ, краснаго богатыря, котораго не были въ состоянiи столкнуть и повалить 10,000 человѣкъ, говоритъ ему лошадь: «Послѣ этого (Тю̄кэ-краснаго богатыря) не осталось человѣка, который бы могъ состязаться съ тобою; тѣмъ не менѣе остались двѣ сестры его. Онѣ, задумавши убить тебя, выкопали впереди своего шкафа, въ которомъ лежатъ ихъ пожитки, яму, въ девяносто

девять саженъ, а поверхъ ея постлали, сложивши въ четверо, бѣлый войлокъ; а еще приготовили они необычайно сильный ядъ, съ цѣлью подать его тебѣ. На этотъ войлокъ, который будетъ впереди шкафа съ пожитками, ты не садись, не пей также и поданнаго питья; если же нельзя будетъ не выпить, то, проглотивши три раза, посмотри на мои глаза».—Отправившись оттуда, дѣхалъ онъ и, лишь только остановился передъ домомъ Тюкэ-краснаго богатыря, да началъ слѣзать съ лошади,—выходитъ дѣвица такая, что—посмотритъ она въ ту сторону, (при свѣтѣ ея) можно сосчитать всѣ сандальныя деревья той стороны; посмотритъ въ эту сторону—всѣ дѣвушки и женщины народа, живущаго на этой сторонѣ, думая, что разсвѣтаетъ, встаютъ и принимаются за работу; были у ней зубы — бѣлые-боди; кожа — розовая-бодимуръ [1]); обликъ у ней былъ бѣлѣе снѣга; щеки — румянѣе крови; челка низпадала до глазъ; а взглядъ былъ во весь глазъ. Вышла такая дѣвушка и говоритъ: «прiѣхалъ одаренный счастливою судьбою человѣкъ, который сдѣлалъ намъ на благо—благо и доставилъ на пользу—пользу: я должна принять его лошадь!»—Но только что хотѣла она взять лошадь, а Харцà мэргэ̀нъ и отвѣтилъ: «нѣтъ, боярышня моя, во первыхъ, лошадь моя — строгая, бѣшеная; а во вторыхъ, я еще никогда не допускалъ принимать свою лошадь такой дѣвушкѣ, какъ ты!». Съ этими словами онъ самъ спуталъ и привязалъ за луку свою лошадь, и, держа чумбуръ ея, направился ко входу въ юрту, а дѣвушка между тѣмъ поддерживаетъ его подъ мышки, подняла войлочную дверь и пропустила его. Харцà-мэргэ̀нъ вошелъ, держа чумбуръ и сѣлъ у правой стѣны юрты. «Поднимитесь повыше, садитесь на этомъ квадратномъ войлокѣ!» сказала дѣвушка, но хоть и поднимала она его, взявши подъ мышки, онъ не послушался и остался сидѣть на своемъ мѣстѣ, говоря: «право, я очень спѣшно ѣду, — я и здѣсь посижу и немедленно же уйду»! Тогда, наливъ въ бѣлую какъ раковина чашку необычайно сильнаго яду, дѣвушка подала ему, приговаривая: «кушайте, братецъ, господинъ, батюшка, вы (человѣкъ) дорожнiй, — вамъ хочется пить!» Подала она ему въ то время, какъ пѣсенники распѣвали пѣсни, музыканты играли на инструментахъ, скрипачи играли на скрипкахъ, а брящающiе на ятагѣ [2]) брящали на ятагѣ. Выступилъ потъ изъ сухихъ костей Харцà-мэргэ̀на, навернулись слезы на его черныхъ глазахъ, не удержался онъ, началъ пить. Слѣдя

---

1) Слова: «боди» и «бодимуръ» могутъ быть принимаемы здѣсь въ переносномъ значенiи—«прекрасный», хотя значенiя этого собственно не имѣютъ. Первое изъ нихъ — «боди» — означаетъ буддiйскую святость; второе, по буквальному переводу «святой путь», есть названiе основнаго сочиненiя Цзонхавы. Очевидно, что и то и другое слово, взятое въ прямомъ его значенiи, будетъ въ данномъ случаѣ употреблено безъ всякаго смысла.

2) Ятага — музыкальный инструментъ, — родъ гуслей.

за своимъ кольцевиднымъ, серебрянымъ чумбуромъ, наполнилъ онъ въ одну скулу и, глотнувши три раза, какъ посмотрѣлъ на глаза своей лошади, видитъ, — глаза его лошади стали величиною въ малый котелъ и хотятъ выпасть. Думаетъ Харца̀-мэргэ̀нъ,— моя лошадь приняла въ себя этотъ ядъ, втянувши его по чумбуру, — и говоритъ: «какъ это такъ сдѣлались глаза у моей лошади?!» Съ этими словами онъ всталъ, вышелъ, сѣлъ на лошадь и три раза проскакалъ внизъ, да три раза проскакалъ вверхъ по теченію рѣчки, называвшейся Улāда. Лошадь его помочилась кровью, испражнилась кусками ссѣвшейся крови и выбросила и ядъ, и его зловредные результаты. Тогда Харца̀-мэргэ̀нъ, распорядившись ударить въ барабанъ и сдѣлать тревогу, приказалъ (подданнымъ Тюкэ-краснаго богатыря) перекочевывать, говоря: «по тому мѣсту, гдѣ начерчу я длинную линію, — кочуйте, а гдѣ начерчу кругъ, тамъ останавливайтесь; гдѣ будутъ харца̀-мэргэ̀новскія (стойбища, тамъ,) позади меня и остановитесь на жительство». Такъ заставивши ихъ кочевать, поѣхалъ онъ отгуда дальше и пріѣхалъ къ кочевьямъ Хатӯнъ Харакчія. То былъ мелкопомѣстный владѣлецъ, имѣвшій незначительное число подданныхъ. Этихъ подданныхъ его онъ также заставилъ перекочевать и воротился назадъ.

Потомъ, черезъ нѣсколько времени послѣ этого, опять, въ одинъ день осѣдлалъ и сѣлъ онъ на свою рыжую лошадь, съ вытянутой шеей, пригналъ къ озеру Аршāнъ цагāнъ нӯръ на водопой свой двадцатитысячный булано-лысый табунъ, ѣздитъ, посматриваетъ и видитъ, что на озерѣ сидятъ девять желтоголовыхъ лебедей. Отправился, взялъ изъ дому свою прекрасную птицу, которая обыкновенно отлично бросалась, пришелъ опять къ озеру, и думаетъ: «что сталось съ давишними птицами?!» Хотѣлъ пойти посмотрѣть, а передъ нимъ стоитъ, подпершись въ грудь желѣзнымъ рубелемъ, великанъ-старуха. И говоритъ та старуха: «Здорово, молодецъ, слѣзай сюда, позабавимся, пока солнце на ногахъ!» Молодецъ посадилъ свою птицу на сѣдельную луку, и когда слѣзалъ, баба: «это», говоритъ, «пусть будетъ мой подарокъ!» — да съ этими словами и отбила на отрѣзъ своимъ желѣзнымъ рубелемъ, правую его ногу, по колѣно. Тогда молодецъ пошелъ драться со старухой и на одной ногѣ. Дрались они день и ночь. Въ то время прибѣгаетъ мать его къ своей невѣсткѣ, Кӧймэ̀-цагāнъ и говоритъ: «Харца̀-мэргэ̀нъ вчера, около полудня пришелъ и сказалъ: «на моемъ озерѣ сидятъ девять желтоголовыхъ лебедей; дай, говоритъ, моего прекраснаго ястреба, который обыкновенно отлично бросается!» Взялъ, ушелъ и послѣ того не приходилъ. Иди сюда! Такъ приказала она ей слѣдовать за собою. Отправились и видятъ: птица — на сѣдельной лукѣ; лошадь стоитъ на выстойкѣ; подъ ногами у лошади лежитъ одна голенная часть ноги. «Теперь

вышло дѣло!» говорятъ старуха съ невѣсткой. Побѣжали, подбѣгаютъ къ озеру, а Аршāнъ цагāнъ нӯръ течетъ багровымъ. «Убили теперь моего сына!» говоритъ старуха. Попробовала на вкусъ озерную воду, — «нѣтъ», говоритъ, «это не кровь моего сына, а кровь великана-старухи!» И побѣжали онѣ по берегу озера. Въ это время выходитъ изъ озера ея сынъ, — въ одной рукѣ держитъ, какъ костыль, желѣзный рубель, а другою — тащитъ великана-старуху. Подошелъ къ своей лошади; приложилъ, какъ слѣдуетъ, свою ногу; положилъ премудрое бѣлое лекарство, которое не допускало продолжаться болѣзни до полудня и исцѣлѣлъ. Трупъ великана-старухи перерубилъ на мелкіе куски и сжегъ. Потомъ, воротивъ домой мать и свою жену, выгналъ изъ воды свой табунъ, пустилъ его пастись къ подножію горы Болэ̄туйнъ борò и пріѣхалъ назадъ.

Потомъ, черезъ нѣсколько времени послѣ этого, опять, въ одно утро бѣжитъ, сгорбившись, госпожа Гэрэ̀ль, матушка его, и говоритъ: «Харцà-мэргэ̀нъ, вставай-ка! Не погибъ ли твой отецъ, кружившійся какъ ястребъ, не одинъ ли ты одинешенекъ, и не на краю ли твои кочевья?!» Такъ говоря, она разбудила его и сказала: «теперь приснился мнѣ сонъ, худшій всѣхъ прежнихъ: идетъ врагъ, гораздо сильнѣйшій чѣмъ всѣ прежніе. Теперь на насъ уже не смотри, а ищи средствъ для спасенія своей жизни и бѣги въ какую нибудь сторону». — «Въ какую же сторону будетъ ладнѣе бѣжать теперь?» — промолвилъ сынъ. Старуха говоритъ: «Въ восточной сторонѣ есть такъ называемая снѣжнобѣлая гора. Перевалить черезъ вершину этой горы невозможно. Когда доѣдешь до склона той горы, смотри дозоромъ; увидавши съ которой стороны идетъ врагъ, какъ будешь убѣгать, такъ придется тебѣ, кажется, бѣгать вокругъ, по склону той горы». — Харцà-мэргэ̀нъ вышелъ и, поймавъ своего быстраго каряго жеребца Хусулдгїйнъ, спросилъ у него: «какъ долго можешь ты бѣжать?» — «Я», отвѣчала лошадь, «если ѣхать на мнѣ верхомъ, не могу бѣжать очень долго, но если навьючить на меня вьюкъ, то я буду бѣжать пока изотрутся сдѣланныя въ настоящее время желѣзныя стремена». Потомъ поймалъ онъ свою рыжую лошадь, съ вытянутой шеей, и обратился къ ней съ вопросомъ: «какъ долго можешь ты бѣжать?» — Рыжая лошадь, съ вытянутой шеей, отвѣчала: «я въ состояніи бѣжать до тѣхъ поръ, пока ты состаришься». Тогда, на каряго жеребца Хусулдгїйнъ навьючилъ онъ вьюкъ, а рыжку, съ вытянутой шеей, осѣдлалъ, привѣсилъ свое оружіе, пристягнулъ всѣ свои украшенія, взялъ свое красное копье, со стержнемъ въ тридцать три сажени и уѣхалъ, по направленію къ югу.

Послѣ того, въ одинъ день, прибѣгаетъ черная великанъ-старуха, низведшая рѣдкій дождь съ крупными каплями и поднявшая вѣтеръ сред-

ней силы. Была она съ открытою пастью, съ сорока пятью головами и съ палочкою въ носу. Прибѣжала и говоритъ: «Харца̀-мэргэ̀нъ, ты здѣсь? Выходи сюда! Позабавимся, пока солнце на ногахъ!»—Выходитъ его мать и говоритъ: «Харца̀-мэргэ̀на нѣтъ!»—«Куда онъ ушелъ?»—«Уѣхалъ въ объѣздъ двадцати тысячъ булано-лысыхъ лошадей!» Осмотрѣла (великанъ-старуха) тотъ табунъ и когда (Харца̀-мэргэ̀на) тамъ не оказалось, пришла назадъ и спрашиваетъ: «Что же Харца̀-мэргэ̀нъ?!»—«Уѣхалъ смотрѣть свой стотысячный табунъ, который ушелъ на пастбище къ подножію луны».—Отправилась къ тому табуну, посмотрѣла и когда Харца̀-мэргэ̀на не оказалось, воротилась назадъ и спрашиваетъ: «Что же Харца̀-мэргэ̀нъ?»—«Уѣхалъ смотрѣть свой восьмидесятитысячный табунъ, который ушелъ на пастбища къ подножію солнца».—«Вы говорите мнѣ правду, а не то я васъ проглочу!» сказала великанъ-старуха и ушла. Потомъ, когда Харца̀-мэргэ̀на не оказалось и у того табуна, пришла она опять, разсвирѣпѣла. «Куда», говоритъ, «ушелъ Харца̀-мэргэ̀нъ? Я готова проглотить васъ! Говорите правду!»—Тогда и старшая и невѣстка отвѣчали: «мы испугались васъ и говорили неправду: Харца̀-мэргэ̀нъ узналъ о вашемъ приходѣ и убѣжалъ по направленію къ западу».

Потомъ, послѣ того какъ великанъ-старуха ушла по направленію къ западу, родился у Харца̀-мэргэ̀на сынъ и когда былъ онъ трехъ лѣтъ, великанъ-старуха, добѣжавши до соединенія неба съ землею, воротилась и, пришедши къ харца̀-мэргэ̀новскому дому, спрашиваетъ: «Харца̀-мэргэ̀нъ дома?»—Старшая и невѣстка, обѣ вышли, говорятъ: «Нѣтъ!»—«Вы какъ же долго будете меня теперь мучить? Я готова васъ съѣсть! Скажете вы правду, или нѣтъ?!»—Съ этими словами она захватила въ ротъ нижнія половины тѣла старшей и невѣстки, а у верхнихъ половинъ начала спрашивать. Тогда тѣ указали справедливо, говоря, что онъ убѣжалъ въ восточную сторону. Великанъ-старуха ушла по направленію въ восточную сторону.

Послѣ того сынъ Харца̀-мэргэ̀на изъ ребра сдѣлалъ лукъ, а изъ хараганы̀ сдѣлалъ стрѣлу и забавлялся, игралъ же онъ, обыкновенно, выходя на гору Болзо̀туйнъ боро̀. Въ одинъ день спрашиваетъ онъ у двухъ своихъ матушекъ: «куда ушелъ мой отецъ?» Обѣ матушки отвѣчаютъ: «У тебя нѣтъ отца. Мы не знаемъ, что это за штука—отецъ. Не только у тебя, а даже и у насъ развѣ есть отецъ?!»—«Въ такомъ случаѣ, если у меня нѣтъ отца, такъ я съ вами жить не стану!» Съ этими словами мальчикъ побѣжалъ безъ стороны, безъ направленія (= куда глаза глядятъ). Обѣ матушки побѣжали въ слѣдъ, но не могли догнать. Догоняли и при посредствѣ чужихъ людей,—онъ ушелъ не догнаннымъ.

Бѣжитъ мальчикъ и въ это время попались ему слѣды двухъ лошадей

съ большими, большими копытами, съ далекими, далекими шагами. Побѣжалъ онъ по этимъ слѣдамъ и нашелъ валяющимися прекрасный богатырскій лукъ, да одну стрѣлу. Бросилъ онъ лукъ изъ ребра и стрѣлу изъ хараганы, взялъ эти лукъ и стрѣлу и побѣжалъ. Между тѣмъ встрѣчается ему громадная бѣлая гора, которая заслонила ему дорогу впередъ. Какъ пришелъ къ ней мальчикъ, сталъ и думаетъ: — «куда же я теперь пойду?!» Въ это время проѣзжаетъ сбоку этого мальчика, во весь скакъ лошади, человѣкъ, который на одной лошади ѣхалъ верхомъ, а другую лошадь велъ въ поводу, а надъ головою его щебетали три жаворонка. «Человѣкъ, повидаемся!» три раза прокричалъ мальчикъ; но тотъ человѣкъ: «съ тобою», говоритъ, «видаться мнѣ некогда!» — и проѣхалъ мимо. Тогда мальчикъ сказалъ: «не могу я застрѣлить тебя, такъ застрѣлю по крайней мѣрѣ находящихся надъ тобою твоихъ трехъ жаворонковъ!» Выстрѣлилъ и свалилъ трехъ жаворонковъ. «Госпожа Гэрэль, матушка моя, Кёймэ-цагаанъ, супруга моя!» вскричалъ тотъ человѣкъ и упалъ. Подбѣжалъ мальчикъ. «Человѣкъ», говоритъ, «что ты сказалъ?» — и приподнялъ его. Тотъ человѣкъ повторилъ снова. «Вѣдь это мои двѣ матушки!» промолвилъ мальчикъ. Тогда тотъ человѣкъ говоритъ: «Ну, такъ у меня въ карманѣ есть лекарство: вылей его мнѣ въ ротъ!». Когда мальчикъ досталъ у него изъ кармана лекарство и влилъ ему въ ротъ, тотъ человѣкъ оправился. Познакомились они. Потомъ спрашиваетъ сынъ: «Откуда же и куда это вы ѣдете?!» Отецъ отвѣчалъ: «Меня преслѣдуетъ черная великанъ-старуха, съ сорока пятью головами и съ палочкой въ носу; я убѣгаю отъ нея.» — «Такъ вы постоянно и бѣгаете?!» сказалъ сынъ, — «Теперь, когда мы вдвоемъ, развѣ мы не можемъ съ нею драться?» — «Нельзя», отвѣчалъ отецъ, «она необычайно сильна! Я поѣду, и ты также уходи куда нибудь съ дороги.» — Когда онъ сѣлъ на лошадь, сынъ говоритъ: «дайте мнѣ этотъ мечъ, я хоть одинъ съ нею побьюсь!» — «Возьми, вотъ онъ!» сказалъ отецъ, бросилъ и уѣхалъ. Остался тотъ (мальчикъ) на томъ мѣстѣ. И вотъ подходитъ великанъ-старуха; шла она, вдыхая въ себя (все на пространствѣ) и, при такомъ ея вдыханіи, мальчикъ попалъ въ пасть великана-старухи и она проглотила его. Потомъ вошелъ мальчикъ въ ея брюхо; перебилъ ея желудокъ, разсѣкъ ей вдоль становой хребетъ, распоролъ ей мѣсто подъ крайнимъ меньшимъ ребромъ и вышелъ. Видитъ, что великанъ-старуха умерла, упавъ и заслонивъ вдоль теченіе какой-то рѣки. Пока мальчикъ находился тамъ такимъ образомъ, отецъ его, объѣхавъ по противуположной сторонѣ снѣжно-бѣлой горы и сдѣлавъ кругъ, пріѣхалъ. Увидалъ онъ, что великанъ-старуха убита, обнялъ своего сына, чрезвычайно обрадовался, сына своего ласкалъ, выпилъ своего чернаго напитка—аршаанъ и далъ своему сыну платье изъ числа своихъ

одеждъ. Сынъ сѣлъ на рыжую лошадь, съ вытянутой шеей, отецъ его сѣлъ на быстраго, каряго жеребца Хусулдгїйнъ и оба они отправились. Какъ поскакали, стараясь сократить свою дорогу, сынъ на рыжей лошади, съ вытянутой шеей, мелькнулъ въ глазахъ, шаркнулъ въ ушахъ, видъ его сталъ величиною съ ласточку, объемъ его вдали сталъ величиною съ муху, ускакалъ и пріѣхалъ къ своему дому. Выходятъ его обѣ матушки и спрашиваютъ: «Откуда ты сѣлъ верхомъ на эту лошадь? Откуда ты одѣлъ платье?»—«Ѣхалъ», отвѣчаетъ сынъ, «какой-то человѣкъ, который на одной лошади сидѣлъ верхомъ, а другую велъ въ поводу, я его застрѣлилъ; одну его лошадь зажарилъ и съѣлъ, а на другую сѣлъ верхомъ и пріѣхалъ». — «Ахъ!» сказали обѣ матушки, «вѣдь это былъ твой отецъ! Зачѣмъ ты убилъ его?! Бѣдный мой! Его, который не умеръ у враговъ, убилъ свой собственный сынъ!» Пока они такъ плакали, пріѣзжаетъ Харцà-мэргэнъ. Стала тогда великая радость, устроили безъ конца радостный пиръ и, вмѣстѣ со всѣми своими подданными, зажили они въ спокойствіи и весельи.

Примѣчаніе къ „Калмыцкимъ сказкамъ".

Излишне было бы объяснять въ настоящую пору какъ высоко научное значеніе памятниковъ народнаго творчества въ дѣлѣ языковѣдѣнія и этнографіи и тѣмъ печальнѣе, конечно, что доселѣ у насъ не было извѣстно никакихъ сборниковъ народной литературы Калмыковъ, свыше 250 лѣтъ живущихъ уже въ Россіи и за послѣднее время особенно быстро утрачивающихъ свой языкъ и національныя особенности своего быта. Мы сказали: не было извѣстно ни какихъ сборниковъ — и, полагаемъ, небезосновательно. Въ 1864 г. проф. К. Ѳ. Голстунскій издалъ въ С.-Петербургѣ литографированные калмыцкіе тексты тринадцати сказокъ, подъ заглавіемъ «Сиддиту кюрййнъ тӯли»; въ 1866 г. проф. Юльгъ обнародовалъ въ Лейпцигѣ (хотя по другому, несравненно худшему списку) тѣже тексты, присоединивъ къ нимъ и нѣмецкій переводъ, подъ заглавіемъ: «Die Märchen des Siddhi-kûr»; далѣе, въ однихъ только переводахъ сказки «Сиддиту кюра» были извѣстны еще со временъ Бергмана, изложившаго ихъ въ своемъ сочиненіи: «Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 и 1803»; и за симъ по русски они были переведены съ монгольскаго и напечатаны замою Галсаномъ Гомбоевымъ въ Этнографическомъ Сборникѣ Русс. Географ. Общ. 1865 г. Все это въ просторѣчіи называемъ мы калмыцкими сказками, хотя и хорошо понимаемъ, что такое названіе совершенно ошибочно. Еще въ 1857 г. извѣстный санскритологъ Бенфей установилъ (см. Bulletin historico-philolog. T. XV) полное родство сказокъ Сиддиту кюра съ индійскими разсказами «Vetâlapankavinçati» и такимъ образомъ то, что называемъ мы *калмыцкими* сказками, въ сущности является не болѣе какъ монголо-калмыцкимъ пересказомъ повѣствованій индійскихъ. Единственнымъ, дѣйствительно оригинальнымъ произведеніемъ народнаго творчества калмыковъ до сего времени представляется у насъ поэма «Джангаръ», текстъ которой (безъ перевода) былъ изданъ литографскимъ способомъ тѣмъ же проф. Голстунскимъ. Въ настоящую пору смыслъ этой поэмы доступенъ пониманію уже очень немногихъ калмыковъ, хотя еще не такъ давно она распѣвалась со множествомъ варіантовъ, почему и имѣемъ мы нѣсколько различныхъ ея редакцій. Это прекрасное произведеніе, богатое поэтическими красотами и отличающееся неподдѣльною наивностью и оригинальностью, давно уже заслуживало бы новаго и лучшаго изданія. Въ частныхъ бесѣдахъ проф. Голстунскій даже представлялъ мнѣ необходимость переизданія текста «Джангаръ» въ печати; но, оставляя до времени то, что издано, хотя бы литографіею и безъ указанія варіантовъ, я почелъ за лучшее обра-

титься къ обнародованію текстовъ вовсе неизданныхъ и таковыми представились мнѣ прежде всего народныя сказки Калмыковъ.

Когда въ 1874 г. Факультетъ Восточныхъ Языковъ впервые командировалъ меня въ Калмыцкія степи Астраханской губерніи, то въ первой же статьѣ своего наказа онъ рекомендовалъ мнѣ заняться собраніемъ памятниковъ сказочной литературы Калмыковъ. Съ тѣхъ поръ калмыцкая степь была посѣщена мною уже девять разъ и въ каждую изъ этихъ поѣздокъ мнѣ удавалось записать по нѣскольку новыхъ произведеній этого рода. Результатомъ сего у меня составился сборникъ въ 38 калмыцкихъ сказокъ, которыя я и предположилъ теперь обнародовать въ печати. Всѣ эти сказки были записаны мною въ Малодербетовскомъ улусѣ, у Калмыковъ, кочующихъ по Манычу; исключеніе составляютъ только: сказка № 7, про Харадай мэргэнъ-хана, записанная въ Икицохуровскомъ улусѣ, да сказки: № 9, про Кокшинъ Замбулъ хана, имѣвшаго 500 женъ и № 10, про князя Дöнöнъ-хара, которыя мнѣ передавали въ Багацохуравъ. Записываніе сказокъ всегда производилось мною при помощи двухъ калмыковъ: одинъ, разказчикъ, говорилъ, или распѣвалъ текстъ сказки, другой—писецъ записывалъ рѣчь разказчика. Иного способа при записываніи калмыцкихъ сказокъ, по моему, невозможно и примѣнять, по той причинѣ что иноземецъ, какъ бы хорошо ни зналъ онъ калмыцкій языкъ, никогда не въ состояніи уловить всѣхъ словъ, иногда произносимой очень быстро рѣчи, — къ повтореніямъ же разказчики рѣшительно не способны,—это своего рода заведенныя машины.

Чтобы сдѣлать свой сборникъ возможно болѣе полнымъ, я предположилъ начать его изданіемъ четырехъ калмыцкихъ сказокъ, которыя до сего времени хранились въ рукописи, въ Библіотекѣ С.П.Б. Университета. Рукопись эта была вывезена изъ калмыцкихъ степей проф. Голстунскимъ, который въ одну изъ своихъ поѣздокъ къ Калмыкамъ записалъ эти сказки также точно черезъ посредство калмыковъ, разказчика и писца. Впрочемъ полученная рукопись оказалась написанною такъ мелко и неясно, что разобрать ее, по словамъ проф. Голстунскаго, представлялось крайне затруднительнымъ. Въ предположеніи издать тексты этихъ сказокъ, Проф. Голстунскій еще въ половинѣ 1870 гг. отправлялъ рукопись въ Астрахань, прося Главнаго Попечителя Калмыцкаго народа распорядиться новою перепискою сказокъ, что и было исполнено. Сказки явились послѣ этого написанными довольно четко, но съ массою грамматическихъ ошибокъ. Когда эта рукопись впервые попала въ мои руки, я, читая ее, постоянно становился въ затруднительное положеніе и это вполнѣ понятно. Народный языкъ калмыковъ, являющійся въ ихъ національныхъ произведеніяхъ, представляется совершенно инымъ, чѣмъ языкъ калмыцкой литературы. Строеніе и обороты рѣчи являются здѣсь болѣе свободными, попадается много новыхъ грамматическихъ формъ и комбинацій, встрѣчаются слова, никогда не употребляющіяся въ языкѣ литературномъ. Изслѣдователю калмыцкихъ народныхъ сказокъ нужно быть крайне осторожнымъ, чтобы не объединить въ своихъ толкованіяхъ формъ языка въ дѣйствительности совершенно различныхъ, правильно понять оборотъ рѣчи и не смѣшать словъ, подъ часъ весьма созвучныхъ и являющихся у безграмотнаго писца въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ, но совершенно различныхъ по значенію. Занятія съ бывшимъ лекторомъ калмыцкаго языка Дорджи Кутузовымъ много помогли мнѣ въ пониманіи помянутыхъ четырехъ сказокъ, но окончательно установить текстъ ихъ, я могъ только послѣ поѣздки въ степи въ 1884 г., прочитавъ сказки среди народа и выслушавъ объясненія на поставленные вопросы изъ устъ болѣе образованныхъ калмыковъ.

Я не рѣшился предпослать частичному изданію своего сборника введеніе съ объяснительнымъ комментаріемъ касательно особенностей языка и содержанія сказокъ и намѣренъ сдѣлать это лишь тогда, когда мой сборникъ будетъ доведенъ до конца и изданъ отдѣльнымъ томомъ. Къ такому рѣшенію меня привело съ одной стороны желаніе быть болѣе понятнымъ и основательнымъ въ своихъ выводахъ передъ читателями, а съ другой — надежда на помощь спеціалистовъ, занимающихся сравнительнымъ изученіемъ народныхъ литературъ, которые, ознакомившись съ представленными мною памятниками народнаго творчества калмыковъ, безъ сомнѣнія, помогутъ мнѣ въ составленіи болѣе правильнаго взгляда на происхожденіе этихъ памятниковъ.

А. Позднѣевъ.